

2023 ГОД И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

22 декабря 2022 года

1. Кризис пятивекового доминирования Запада в глобальной политике, экономике и финансах, а также на уровне ценностей и идей (поскольку речь идёт о доминировании специфической Западной цивилизации). Можно говорить, что неформальная глобальная империя США/Запада, включая Бреттон-Вудскую систему, - это последняя империя.

Запад упустил время для критической переоценки ситуации у себя и реформирования социально-экономической политики, в которой тон задавала рейганомика/тэтчеризм. Об этом заявил Глобальный финансовый кризис 2008 года. Кризис на Западе стал глобальным потрясением, как в своё время европейские кризисы привели к двум мировым войнам. Отсюда многие другие тренды.

2. Деглобализация (авторство термина применительно к современной эпохе принадлежит бывшему премьер-министру Великобритании Гордону Брауну) означает кризис ведомой инвестиционными классами западных стран глобализации, противоречия которой, как и глобализация кануна Первой мировой войны, привели к нынешнему кризису глобального управления. С одной стороны, глобализация привела к подъёму всего остального мира, с другой, вызвала кризис западного общества - с отрывом космополитичных элит от остального населения, резким сокращением занятости, разрушением среднего класса, ростом неравенства, стагнацией потребительского спроса, дисфункцией партийно-политических систем и кризисом их легитимности (послевоенный «общественный договор» предусматривал

социальноориентированную экономику, которую предал неолиберализм на рубеже 70-80-х гг. – рейганомика-тетчеризм). Охранительная реакция западных элит на деглобализацию, их стремление во что бы то ни стало сохранить своё доминирование усугубляют кризис глобального управления. Элементами такой политики являются спровоцированный Западом Украинский кризис и рост напряженности в Тайваньском проливе. Одним из следствий поддержания международной напряженности является «уход в доллар» инвесторов, правительств и частных лиц, то есть создание искусственного спроса на американскую валюту, в том числе за счёт союзников, в частности стран-участниц зоны евро в Евросоюзе.

3. Деглобализация означает также необходимость базовой самодостаточности государств, особенно из числа ведущих, так как они могут стать объектом односторонних противоправных санкций. Россия на протяжении целого ряда лет была вынуждена двигаться в этом направлении вследствие санкционного давления Запада и потому в большей мере, чем остальные страны, оказалась в этом тренде.

4. Готовность Запада к ведению фактически тотальной экономической войны, невзирая на последствия для себя, ставит в повестку дня императив способности государств обеспечивать базовую жизнедеятельность, то есть насущные нужды своего населения – в продовольствии, тепле, электроснабжении, горячей и холодной воде. Другими словами, обеспеченности продовольствием, энергоресурсами и пресной водой для

элементарного выживания. Именно этим преимуществом обладает Россия по отношению к тем же странам ЕС, что напоминает ситуацию Средневековья, когда пространство, ставшее позднее Российской Империей, могло в достатке обеспечить своё население пресной водой и теплом.

5. Практически повсеместный – в Азии, Африке и Латинской Америке – кризис развития постколониальных стран говорит о создании условий для второй волны деколонизации, на этот раз – освобождении от неоколониальной зависимости, прежде всего посредством восстановления контроля над своими природными и иными ресурсами.

6. Одним из следствий деглобализации является регионализация глобальной политики – укрепление регионального уровня управления с соответствующими институтами и инструментами, включая поиск региональных решений региональных проблем (например, Астанинский процесс по Сирии, Московский – по Афганистану), что как бы пугает мировое сообщество на время формирования нового миропорядка. Его отличительной чертой будет наличие сильных региональных кластеров. Самоизоляция Запада вполне отвечает этому общему тренду.

7. Кризис любых иерархических построений в международных отношениях, на смену которым приходят условно мягкие формы межгосударственного сотрудничества, основанные на общности интересов и стремлении их продвигать совместными усилиями. Они

открыты и инклюзивны, обладают изменяемой геометрией и огромным потенциалом дальнейшего развития, идут от жизни. Ярким воплощением этого тренда являются ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Они противостоят унаследованным из прошлого громоздким, с жесткой союзнической дисциплиной военно-политическим альянсам, создававшимся для ведения войн: в этом состоит главная причина кризиса НАТО, ставшего на путь агрессивного продвижения на Восток в целях искусственного поддержания своего «raison d'être».

Нет оснований полагать, что миру грозит новое однополярное доминирование или двуполярная «директория» – так называемая «Большая двойка» или Кимерика в составе США и Китая, предложенная, как это ни странно, все тем же Киссинджером. Интересы двух стран во многом расходятся и между ними отсутствует доверие, необходимое для создания такой конфигурации. В Пекине справедливо рассудили, что речь идёт о его согласии на роль младшего партнера Америки и ответили четким «нет» на такой неформальный зондаж. Дело еще и в том, что для столь тесного сотрудничества – сверх отношений равноправия и готовности учитывать интересы друг друга – нет никаких объективных оснований. Реакция США не заставила себя ждать: Вашингтон встал на путь «сдерживания» Китая, а то и его полной изоляции и «закрытия» (как это было провозглашено администрацией Д.Трампа).

В то же время объективно существует геополитический «треугольник» США-Россия-Китай, в рамках которого могли бы решаться некоторые насущные вопросы глобальной политики, прежде всего вопросы стратегической стабильности в мире, если бы Вашингтон не проводил политику «двойного сдерживания» – одновременно России и Китая.

8. Формирование основания для полицентричного миропорядка, который в принципе был предусмотрен привилегированным статусом пяти постоянных членов СБ ООН (принцип их единогласия). Появляются новые центры экономического роста и политического влияния на глобальном и региональном уровнях, что косвенно признаётся созданием в результате Глобального финансового кризиса 2008-2009 года формата саммитов Группы двадцати в составе западной «семерки», стран БРИКС и ведущих региональных держав (на них приходится порядка 80% глобального ВВП). Этот естественный процесс сопровождается упадок/распад глобальной гегемонии Запада, ставшей тормозом мирового развития.

Многополярность носит цивилизационный характер, поскольку новые центры, будь то Китай, Россия, Индия, ЮАР, Турция, Иран и другие, носят отличный от Западной цивилизации культурно-цивилизационный характер (что, например, выражается в методах консенсусного функционирования АСЕАН, противостоящих методам обеспечения западного доминирования).

9. Одновременно можно говорить о кризисе политики сдерживания, в том числе военно-политическими методами и посредством санкционного давления, развития других ведущих государств мира и региональных держав в русле пресловутой «ловушки Фукидида». В частности, речь идёт о двойном сдерживании США/Западом – России и Китая – посредством создания Украинского кризиса и проблемы Тайваня.

Применительно к России нынешний цикл ее сдерживания Западом восходит к Первой мировой войне, одним из мотивов развязывания которой Германией было предотвратить превращение России в преобладающую экономическую державу Европы (темпы экономического роста в России в канун войны составляли порядка 10% и были сопоставимы с «мирным подъемом» Китая). Это также можно определить как кризис политики «перестраховки» (hedging), имеющей ярко выраженный охранительный характер по отношению к износившейся системе западного доминирования и нашедшей выражение в процессе двойного расширения – НАТО и ЕС – в период после окончания холодной войны.

Объектом политики сдерживания также являются такие страны, как Турция, Пакистан и ряд других. Специфическая форма западной политики сдерживания – контроль (посредством ТНК, несправедливых условий торговли, торговли на доллары и прочих методов) над природными и иными ресурсами, включая полезные ископаемые, постколониальных стран, для которых они являются

важнейшим источником развития. И, конечно, односторонние санкции.

10. События последних лет, в том числе проведение СВО на Украине, свидетельствуют о том, что в отсутствие согласия между ведущими глобальными державами, имеющими противостоящие друг другу видения грядущего мира и миропорядка, вновь возросло значение фактора военной силы. Причём не только в поддержку дипломатии и своего внешнеполитического нарратива, но и в порядке обеспечения национальной безопасности и самого выживания государства. СВО на Украине показывает, что к применению силы побуждает отказ выполнять обязательства по подписанным международным соглашениям, таким как Минск-2. То есть нарушается международно-правовой принцип *pacata sunt servanda* и при подписании соглашений отсутствует то, что принято называть *good faith*.

11. Росту значения фактора силы в международных отношениях способствовало последовательное разрушение США и Западом в целом сложившегося в годы холодной войны контроля над вооружениями и комплекса мер по укреплению доверия в военной области. Так, США вышли из Договоров по ПРО, РСМД и по открытому небу, а страны НАТО похоронили ДОВСЕ, отказавшись ратифицировать соглашение о его адаптации к новой реальности, возникшей после окончания холодной войны, роспуска ОВД и распада СССР, а также начавшегося расширения Альянса в направлении западной границы России.

12. Силовое противостояние государств приобретает характер гибридной войны, включая «войну через подставных лиц» (by proxy), санкционное давление, кибероперации и информационное противоборство, что ярко заявило о себе в связи с Украинским вопросом. По сути, можно говорить о том, что прежде понималось под термином «косвенная агрессия». Внешне гибридная война служит заменой «большой войны», скажем, в той же Европе, но, как показывают события этого года, она все равно балансирует на грани прямого вооруженного конфликта между Россией и НАТО с перспективой ядерной эскалации.

Причём даже конфликт между Россией и НАТО в принципе имел бы характер «войны по доверенности», имея в виду то обстоятельство, что война в Европе не затронула бы территорию США, а ТЯО изначально предназначалось для применения именно в Европе в целях избежания ядерной войны между США и СССР/Россией – Третьей мировой. То есть европейские союзники США выступили бы в роли современной Украины, даже при участии американских экспедиционных сил и обеспечении американцами Альянсу стратегической глубины.

13. Очевиден рост значения национальных государств как ключевых международных акторов. Это наглядно проявилось в ходе мер по борьбе с пандемией коронавируса в 2020-2021 гг. Указанием на это также стали выход Великобритании из ЕС и политика администрации Д.Трампа под лозунгом «Сделаем Америку вновь

великой!»), призванная воссоздать внутренние основы американской экономической мощи и влияния.

14. Возрастает значение природных ресурсов, которые не только исчерпаемы, но и служат главным источником развития постколониальных государств. Очевидно, что время дешевых ресурсов прошло – это в том числе нравственно, поскольку уровень их потребления западными странами грозит планетарной катастрофой и попросту недостижим для остальных 8 млрд. человек, проживающих в незападных странах.

15. Нет сомнений в том, что готовность Запада к произвольному, в обход СБ ООН, применению военной силы, будь то в Афганистане, Ираке, Ливии или Сирии, снижает стимулы для выполнения государствами своих обязательств по режимам нераспространения ОМУ. Причина все та же – подрыв Западом послевоенного международного правопорядка, основанного на общих для всех государств принципах и нормах, будь то одностороннее реагирование, включая интервенции, в том числе «гуманитарные», освобождение от договорно закреплённых ограничений эпохи биполярности или претензия на монополию на некий «порядок, основанный на правилах», которые нигде не прописаны, но призваны подменить универсальные послевоенные, закреплённые в соответствующих коллективно принятых международных инструментах.

16. Кризис либерализма и самой либеральной идеи, прежде всего в самих западных странах, включая США. Натиск западных

элит на традиционные консервативные ценности, включая семейные и элементарный здравый смысл, сопровождаемый зажимом свободы слова и инакомыслия под предлогом политкорректности, ведёт к тому, что трудно назвать иначе, чем либеральным тоталитаризмом. Именно свойственное либерализму агрессивное унификаторство в своё время породило фашизм и нацизм. На кризис либерализма указывает и стремление западных элит навязать его всему остальному миру в рамках своего рода Мировой революции, в том числе как средство «уломать» сторонников традиционных ценностей в своих странах, показать им безальтернативность такого будущего. Настораживает и тезис американского политолога Ф.Фукуямы о «национал-либерализме», который косвенно отсылает к национал-социализму Третьего рейха, да ещё в условиях, когда Запад пытается задним числом реабилитировать нацизм, поддерживая нынешнюю власть в Киеве, которая взяла на вооружение русофобию и идеологию УПА/УНА времён гитлеровской оккупации.

17. Таким образом, эмансипация мира от западного доминирования сопровождается тем, что важнейшим фактором международных отношений и мирового развития становится реальность культурно-цивилизационного многообразия мира с его ценностными системами и моделями развития, которое подавлялось Западом на протяжении веков методами колониальной экспансии и неоколониализма.

18. Вновь становится актуальной тема биополитики, то есть отношения элит к населению как биомассе. Ее законченным проявлением в Западной цивилизации стал нацизм. Сейчас возрождаются мальтузианство и евгеника, на которые накладываются однополые браки и трансгендерство, при этом излишним оказалось не только население стран третьего мира, но и самих западных стран. На этом фоне не может не настораживать рост влияния, в том числе как ведущего генератора прибыли, «Большого фармацевтического бизнеса» (Big Pharma), особенно американского, использующего здоровье человека как ресурс экономического роста, но в то же время участвующего в разработке биологического оружия.

19. На первый план практически для всех государств, включая западные, выходят вопросы идентичности, истории и веры - это реакция на противоречивые следствия глобализации и разрушение того, что ещё осталось от традиционного общества, разрушавшегося со времён Французской и последующих европейских революций, а в России - Революции 1917 года. Наиболее далеко этот процесс зашёл в Америке с ее «культурной революцией», «культурой отмены», «критической расовой теорией» и прочими продуктами либеральных элит. Поэтому логично, что эта тема заявляет о себе и в международных отношениях, в том числе как диверсия против государств-конкурентов. Пример даёт проект «анти-Россия» на Украине, призванный подорвать российскую идентичность и исторический нарратив, лежащий в основе самосознания россиян. О

важности этих вопросов для самих западных стран писала бывшая Госсекретарь США М.Олбрайт в своей книге «Могущественные и Всемогущий» (2006 г.).

20. Кризис глобального валютно-финансового порядка (Бреттон-Вудской системы) заметно обострился вследствие санкционного давления на Россию в связи с СВО на Украине. В итоге подрывается ее универсальность, а значит, и легитимность. В практическую плоскость переходит вопрос о выходе из неё на путях клиринга и бартера, а также растущего использования национальных валют в международных расчетах. Открывается перспектива сжатия сферы применения доллара и евро до валютных зон с освобождением пространства для других валют, подкреплённых соответствующими ресурсами и финансовыми инструментами.

21. Сжимается пространство для дипломатии в отношениях Запада с Россией и Китаем, которые им «сдерживаются». Параллельно оно расширяется там, где открывается простор для исторического творчества, то есть за пределами Евро-Атлантики, включая Евразию, где на основе ШОС может сложиться система инклюзивной, неделимой безопасности и сотрудничества, оказавшаяся недостижимой в Европе. Но и там рано или поздно дипломатия вступит в свои права. Видимо, не раньше, чем исчерпает себя противостояние двух теорий классической геополитики, представленных идеями Хартленда и Римленда. Первый представлен расширяющейся ШОС, второй – дугой сдерживания с

юга и моря (offshore balancing) от Атлантики до Тихого океана с воссозданием военных союзов с опорой на пресловутую Англосферу (AUKUS плюс вторая попытка глобализации НАТО).

